

Андрей Львович Ливадный

Владыка Ночи

Аннотация

Кто они — древние селениты — миф или реальность? Откуда на орбите земли появилась луна? Что означает древнее слово «Атлантида» на языке обитателей Селена? Ответ на эти вопросы дает повесть «Владыка Ночи»

Андрей Ливадный

Владыка Ночи

Пролог

Огромный, слегка ущербный диск ночного светила висел низко над горизонтом, заливая дно кратера призрачно-голубоватым светом.

Вокруг царил лютый холод, белесые

разводы инея покрывали острые обломки скал, иногда в разреженной атмосфере слышались приглушенные хлопки или треск — это лопались камни, рассыпаясь в мелкий щебень под воздействием стремительно понижающейся температуры.

Мир, освещенный призрачным сиянием Владыки Ночи, выглядел мертвым, точнее — вымершим, ибо среди безжизненных пространств взгляд внимательного наблюдателя все еще мог отыскать истертые временем признаки процветавшей тут некогда цивилизации: на склонах кольцевых гор виднелись участки древней дороги. Сбегая вниз, она постепенно терялась в толще реголита, устилавшего дно кратера, но, отмечая ее прежний путь, из-под измельченного гравия к фиолетовым небесам вздымались редкие, иззубренные руины

многоэтажных зданий, подле которых виднелись почерневшие обломки стволов погибших сотни лет назад деревьев...

Ночь, царствующая над Селеном, была похожа на дурную сказку или кошмарный сон, но для обитателей планетоида, постепенно теряющего свою атмосферу, окрестный пейзаж казался обыденностью. Никто уже не помнил ни былого величия цивилизации, ни первопричин катастрофы, превратившей цветущий мир в безжизненную пустыню, и оттого затянувшийся природный катаклизм воспринимался как данность, в которой рождались, жили и умирали целые поколения...

У подножия гор, там, где древняя дорога выходила на обширный, плоский уступ, на фоне темного монолита скал, контрастно выделялись

огромные, подсвеченные изнутри проемы, за которыми, сквозь помутневший от времени материал толстых герметичных стекол, виднелись многочисленные постройки, заключенные в искусственно созданной полости полусферической пещеры.

Каменный фасад города, врезанный в отвесные скалы, протянулся на несколько километров и был разделен на два равных отрезка величественным строением, имеющим плавные обтекаемые формы. В центре его четко просматривались плотно сомкнутые шлюзовые ворота.

Издали все города современного Селена выглядели одинаково, будто в незапамятные времена их возводил один и тот же строитель: фасады неизменно насчитывали строго определенное количество проемов, а плоскость мощного базальтового

выступа, нависающего над овальными окнами и шлюзовыми воротами, до сих пор хранила четкую разметку, состоящую из окружностей и прямых линий.

Все это бросалось в глаза, оставляя индивидуальные особенности поселений неразличимыми на фоне непоколебимой основательности основных архитектурных решений. Покрытые шрамами метеоритных ударов неохватные колонны, подпирающие каменный козырек, казались вечными, незыблемыми, неподвластными ни неумолимому бегу времени, ни природным катаклизмам, ни суетной деятельности людей.

Индивидуальные особенности городов-убежищ, выраженные во внутренней планировке, становились доступны взгляду наблюдателя, только если он вплотную приближался к

одному из проемов. Мутный материал многослойного стекла, обрамленного черным кантом пневмоуплотнителя, хранил следы многочисленных ударов метеорных частиц, иногда по нему змеилась паутина трещин, тщательно покрытая похожим на вспенившуюся резину герметизирующим составом, а изнутри пробивался неяркий, равномерно распределенный свет, исходящий от куполообразного свода пещеры.

В призрачном, холодном сиянии, как правило, выделялся комплекс многоэтажных зданий, расположенный в центре пещеры. В зависимости от населенности города и его социальной структуры, эти постройки претерпевали серьезные изменения: их окружали более поздние архитектурные творения в виде кольцевых стен, мощных башен или иных укреплений, превращающих

центральные части городов в своеобразные цитадели. Неизменным во всех поселениях оставался лишь циклопический цилиндр, исполненный из монолитного, гладко отшлифованного материала, непохожего на коренные горные породы, слагающие стены и купол пещеры. Диаметр цилиндрического строения составлял сотни метров, книзу оно расширялось, демонстрируя структуру, схожую с корневой системой вековых деревьев.

Судя по легкому мареву змеящегося воздуха и клубам водяных паров, периодически вырывающихся из зарешеченных отверстий у основания строго симметричной "корневой системы", это был не просто исполинский стержень теплообменника, согревающий внутреннюю атмосферу города.

Очевидно, под основанием цилиндрической конструкции располагались невидимые глазу комплексы, насыщающие внутреннюю полость пещеры кислородом и поддерживающие необходимый для жизни уровень влажности.

Стоило мысленно выйти за пределы каменного свода, как становилось понятно, какой род энергии используют теплообменники городов-убежищ. Там, где вершина цилиндрического строения упиралась в свод пещеры, снаружи была высечена наклонная плоскость, обращенная к близкому горизонту под строго определенным углом. В ее центре располагался огромный, гладко ошлифованный, прозрачный, как слеза, кристалл кварца, в дневные часы фокусирующий лучистую энергию звезды и направляющий ее сквозь столб теплообменника к подземным уровням

города, где, скрытые от посторонних глаз, выполняли свою работу оставшиеся с незапамятных времен устройства жизнеобеспечения.

В остальном внутренняя архитектура большинства городов обладала чертами индивидуальности. Помимо высотных зданий, кольцом обступающих теплообменник, на просторах искусственно созданных пещер просматривалась былая планировка некогда существовавших кварталов, которые первоначально подчинялись симметрии концентрических окружностей. Но время безжалостно стерло их, оставив лишь небольшие, хаотично разбросанные обитаемые островки, напоминающие поселки, лежащие вне стен монументальных укреплений.

На возведение стен и башен, защищающих сердце каждого города,

требовался строительный материал, поэтому на протяжении веков старые, пустующие кварталы постепенно разбирались, а на их месте образовывались асимметричные пустоши. Новые дороги, проторенные по мере необходимости, связывали немногочисленные уцелевшие постройки с входом в цитадель и единственными шлюзовыми воротами, ведущими на неприветливые просторы внешнего мира.

Изредка среди заваленных строительным мусором пустошей, одиноких зданий и еще не разобранных руин виднелись лоскутки возделанной земли, где росли невысокие деревца с бледно-зеленой листвой или виднелись ровные высадки травянистых растений.

Картину современных поселений Селена завершал еще один немаловажный штрих: во многих

городах часть древних панорамных окон была выбита, и чтобы восстановить герметичность пещеры, проемы, как правило, заполняли кладкой. Кроме этого, по краю козырька, защищающего фасад города, высились укрепления, сложенные из угловатых обломков твердых горных пород. Стены пересекали древнюю разметку взлетно- посадочных полос, что явно свидетельствовало об утрате технических знаний и какой-то непреодоляющей угрозе, таящейся среди безжизненных, непригодных для свободного поселения кратеров.

Странный, неуютный, полный загадок и немых свидетельств былого величия мир, где доживали свой век последние цивилизации, разбросанные по изолированным, постепенно угасающим островкам забившейся в глубины пещер жизни... — таким

представал Селен глазам стороннего наблюдателя.

Фатальный исход затянувшегося на века катаклизма, казалось, предрешен, и злонравной судьбе осталось отыграть лишь финальный аккорд тысячелетней драмы... Однако там, где все еще обитают живые разумные существа, никогда нельзя говорить о полной предопределенности событий. Цивилизация действительно угасала, на мертвых просторах покрытого кратерами планетоида давно и прочно властвовала иная жизнь, совершенно непохожая на биологическую, но в замкнутых изолированных городах все еще вскипали страстные порывы чувств, шла борьба не только за выживание, но и за власть, и очередной всплеск кажущейся агонии мог в корне изменить ситуацию, породить последнюю вспышку неистовых

стремлений, когда история вдруг обращается вспять и фатализм перестает быть доминантой будней, отброшенный прочь древними, как сам мир, чувствами...

Глава 1

Им было по семнадцать лет.

В этом возрасте еще не так остро чувствуются социальные различия, над душами не властвуют комплексы, присущие старшему поколению, — им было хорошо вдвоем, и это казалось достаточным поводом для встреч.

...Юна перевернулась на живот, и Аргел провел кончиками пальцев вдоль изгибов ее обнаженного тела.

На левой ягодице девушки тускло поблескивало маленькое пятнышко, и юноша, погладив его, спросил:

— Что это?

Она повернула голову.

— Не знаю. Родимое пятно.

Аргел заглянул в ее глаза, и волна дрожи медленно поползла вдоль позвоночника. Их пальцы сплелись, но Юнона, коснувшись губами его щеки, прошептала:

— Мне пора идти, Аргел. Отец будет беспокоиться.

Юноша вздохнул, нехотя выпуская ее из объятий.

— Скоро все изменится, да? — спросил он.

— Почему ты так решил? — Юнона встала, и в тусклом свете, проникающем через мутное стекло оконного проема, ее фигура на миг показалась Аргелу отлитой из темной бронзы.

— Герон — главный инженер города. Он стар и обучает тебя для обряда преемственности, верно?

— Нет. — Юна, одеваясь, покачала головой. — Ты же знаешь, женщина не может стать наследницей знания.

— Тогда зачем он заставляет тебя учиться?

Она пожала плечами.

— Мне самой нравится читать. — Юнона наклонилась и нежно поцеловала его. — Книги доставляют мне не меньшее удовольствие, чем любовь. Только оно иное...

— Ты придешь завтра?

— Конечно.

Она на секунду задержалась на пороге небольшой комнаты, глядя на Аргела, лежащего в расслабленной задумчивости.

"Он свободнее и счастливее, чем я..." — внезапно подумалось девушке.

Юна ошибалась. Ошибалась во всем, кроме чувства любви. Оно не подчинялось рассудку, не управлялось

логикой, не было подвластно кастовому делению городского социума, но девушке, как и Аргелу, еще предстояло понять жестокую истину: ничто не может продолжаться вечно...

* * *

Нирон О'Релли, правитель Регула, стоял подле узкого, похожего на бойницу окна, и смотрел вниз на площадь, где выстраивались отряды воинов.

Он в точности знал, что произойдет спустя несколько минут, какой приказ он отдаст им, однако в сердце Нирона не было места для колебаний или сострадания. О'Релли, несмотря на молодость, давно утратил иллюзорность мышления. Мир Селена был жесток, и логику принятия многих решений тут диктовал суровый закон

выживания и элементарная арифметика, основанная на ежедневном, а порой и ежечасном подсчете ресурсов, необходимых для поддержания замкнутых циклов жизнеобеспечения города.

Ни в душе, ни в мыслях О'Релли не было даже намека на осознание жестокости принимаемых решений. Там, где жизнь постоянно граничит со смертью, многие понятия становятся лишь условностью, словами древнего языка, утратившими свой изначальный смысл.

Он действовал целеустремленно и рационально, как научила его реальность, рано познакомившая Нирона с тонкой гранью, отделяющей жизнь от смерти, ненависть от любви, а сострадание от формы массового самоубийства.

Корабль торговцев ждал в

условленном месте. Регул остро нуждался в воздушном камне, а в реголитные копи далекого Кол Адра постоянно требовались рабы для добычи драгоценного минерала.

Заметив, что отряды закончили построение, О'Релли, не оборачиваясь, произнес:

— Начинай, Квердум. Прочешите все руины, потом кварталы бедноты. Мне нужно, как минимум, двести человек. Ты знаешь, кого следует отбирать в первую очередь.

— Да, господин.

* * *

Юнона и Аргеландер встречались в одном из старых пустующих домов. Юноша отлично знал городские руины, а девушке, которая до знакомства с Аргелом редко покидала цитадель, эти

свидания приносили не только наслаждение любви, но и неповторимое, неведомое ранее чувство новизны, внутренней независимости от постоянной опеки отца и замкнутого, отшельнического образа жизни, который ей приходилось вести в цитадели...

Все началось внезапно, необъяснимо... Они с Аргелом встречались уже почти полгода, а Юнона до сих пор не могла забыть их первую встречу.

Юнона не знала причин, по которым отец запрещал ей просто так бродить по городу, но, однажды нарушив его строгий запрет, она уже не смогла остановиться, разум будто изменил ей, и сейчас дочь хранителя Солнечного Камня стремительно превращалась из девушки-подростка в юную женщину, не замечая пугающей скорости

происходящих с ней перемен.

...Они случайно встретились на улице четыре цикла назад. Дочь главного инженера города Регул и обыкновенный подросток из квартала бедноты. Наверное, причиной внезапно вспыхнувшего чувства был возраст: оба уже достигли физической зрелости, и потребность в любви клокотала в юных телах и душах, порождая смутную, но неодолимую тягу к существам противоположного пола.

Аргел поразил Юнону своей непринужденностью, ну а он в свою очередь был так потрясен красотой незнакомой девушки, что в момент неожиданной встречи попросту не смог отвести от нее глаз, и все вышло естественно, само по себе, — они остановились, глядя друг на друга, не замечая редких прохожих, а потом Аргеландер подошел к ней и спросил:

— Как тебя зовут?

— Юна... — ответила она, не понимая, почему у нее дрожит и срывается голос, а от короткой фразы вдруг пересохло во рту, будто она неделю ничего не пила.

— Я не встречал тебя раньше... — Аргел по-прежнему не отрывал глаз от лица Юноны, и она, наконец, смутилась, потупила взгляд.

— Я редко выхожу на улицу, — прошептала она. — Отец не любит, когда я гуляю одна.

— Значит, ты из цитадели? — Юноша кивнул в сторону комплекса высотных зданий, царящих над полуразрушенными городскими кварталами.

— Я дочь Герона.

— Главного инженера? — Он вздохнул, но тут же бесстрашно поднял взгляд. — Ты очень красивая.

Ее щеки вспыхнули. Юна физически ощутила жар румянца, внезапно проступившего на бледной, шелковистой коже лица.

— Мне надо идти... — произнесла она.

— Постой. Может быть, мы встретимся снова?

— Я... Я не знаю...

— Меня зовут Аргел. — Он продолжал восхищенно смотреть на нее, взгляд Аргеландера казался обжигающим, от него кружилась голова девушки, и что-то сладко замирало внутри.

Юнона, большую часть своего времени проводившая за книгами, не имела опыта общения с другими людьми, — они с отцом жили замкнуто, и это казалось нормой... но, несмотря на замешательство, она вдруг ответила, чувствуя, что совершает безумство:

— Я приду. Может быть, завтра, ладно?

— Я буду ждать.

Так произошла их первая встреча, а потом для юноши и девушки наступил сладкий головокружительный отрезок упоительного счастья, где перестали играть роль привычные временные циклы, — теперь они измеряли жизнь промежутками от встречи до встречи, все глубже погружаясь в бездонный омут первой, чистой любви.

Счастье казалось безграничным, нескончаемым, а мир с его реалиями — далеким, ненужным и призрачным.

* * *

Надпись на дверях гласила: Сектор гидропоники.

Юнона хорошо знала древнюю письменность, отец научил ее не только

бегло читать на языке Селена, но, вдобавок, заставил выучить странный, лишь отдаленно похожий на настоящую письменность мертвый язык сервов, на котором невозможно общаться; его, по словам Герона, следовало просто запомнить.

Для чего — Юнона не понимала, но спорить с отцом было бесполезно, и она покорно выучила все, что предлагали ее вниманию нетленные пластбумажные страницы старых книг из многотомной домашней библиотеки.

Откуда отец брал древние издания, оставалось загадкой, скорее всего, он добыл их в пору своей юности. В городе относительно личности Герона циркулировало множество слухов, но, в основном, они являлись досужими домыслами, и дочери главного инженера не пристало прислушиваться к ним.

Хотя некоторую информацию она все же почерпнула из тех разговоров, что приходилось слышать на улице. Ее мать вроде бы погибла от рук измененных, а сам Герон чудом избежал жестокой смерти, успев спасти малолетнюю дочь.

Отец никогда не говорил с нею о прошлом. Она не помнила матери, лишь знала, что родилась не тут, а в другом городе — Аулии, который некогда являлся столицей сектора, а теперь лежал в руинах после многочисленных атак измененных.

* * *

За спиной Нирона открылась дверь, и холодный каменный пол отчетливо передал гулкую вибрацию шагов.

— Это ты, Герон? — не оборачиваясь, спросил О'Релли,

понимая, что лишь хранитель Солнечного Камня может войти к нему без предварительного доклада.

— Да, правитель.

Лицо Нирона исказила мгновенная гримаса неудовольствия. Он не любил Кая Герона за его независимость и резкость суждений, но ставленника могучего Кол Адра приходилось терпеть.

Десять лет... — Невольно подумал О'Релли, глядя на экипировку выстраивающихся ровными шеренгами воинов. Серый, удивительно легкий и прочный металл брони, плавная, лишенная вычурности эстетика форм, герметичные шлемы с прозрачными ударостойкими забралами, — все это превращало фигуры обычных солдат в некий символ, постоянно напоминающий о существовании могучего союза городов-государств,

объединившего под своей властью необозримые пространства Селена...

— Что ты собираешься предпринять, О'Релли? — раздался за спиной правителя глухой, хрипловатый голос Герона. — Зачем выстраиваются отряды шлюзовой стражи? Разве наблюдатели заметили измененных? Или, быть может, дикие сервы забрели в кратер?

Нирон, наконец, обернулся. В противоположность Герону, правитель Регула был высок, строен, его лицо несло отпечаток властности, в то время как перед ним стоял пожилой, низкорослый, полноватый человек, чьи черты, отмеченные первыми признаками старости, трудно было назвать привлекательными.

— Закат уже минул, а транспортный корабль торговцев не пришел, — произнес О'Релли. — Впереди долгая

ночь, и наших запасов едва ли хватит, чтобы продержаться весь суточный цикл. Ты знаешь это не хуже меня, хранитель.

Кай Герон возмущенно посмотрел на правителя, но с таким же успехом он мог бы разглядывать холодный камень стен. Ни один мускул не дрогнул на бледном лице О'Релли, когда в наступившей тишине прозвучала его следующая фраза:

— Корабль торговцев должен был принять на борт двести человек, выделенных мной для работ в реголитных копиях. Они уже исключены из расчетов суточного цикла, и поэтому отправятся в сторону Аулии пешим порядком. Возможно, транспорт задержался по техническим причинам и подберет их в дороге.

— Корабли торговцев не летают по ночам, — хмуро напомнил ему

Герон. — Я пришел, чтобы получить согласие на перерасчет ресурсов. У нас есть резервы...

— Неприкосновенные резервы, — безжалостно уточнил Нирон, оборвав на полуслове фразу хранителя. — Ты можешь гарантировать, что следующий транспорт придет вовремя?

— Нет, не могу, — ответил Герон. — Но я не вижу веского повода для принятия крайних мер.

— Мне безразлично, что ты думаешь по поводу моих решений, — неприязненно произнес О'Релли. — У каждого из нас свое бремя, и я не указываю тебе, как следует распоряжаться энергией дневного светила. Так что будь добр, не вмешивайся в мои действия.

— Ты собираешься выгнать людей за стены города. Это верная смерть для них.

— Не преувеличивай. — О'Релли отошел от окна, пренебрежительно взмахнув рукой. Остановившись подле массивного стола, искусно вырезанного из глыбы вулканической породы, он исподлобья взглянул на Герона и произнес:

— Мне кажется, ты начал забывать те времена, когда в кратерах безраздельно хозяйничали орды измененных, и каждый центнер воздушного камня приходилось добывать с боем. Люди в ту пору проводили вне городских убежищ по нескольку циклов и оставались живы...

— Те времена прошли, Нирон. Зачем подвергать опасности жизни двухсот человек? Им и без того придется несладко на реголитных копиях.

— Зато они станут приносить хоть какую-то пользу и научатся дорожить тем воздухом, который бездумно и

бесплатно вдыхают сейчас. — В словах О'Релли прозвучал гнев и презрение. — Ты напоминаешь мне глупого горожанина, который ослеп, посмотрев на дневное светило. Разве ты не замечаешь, что в нашем городе скопилось слишком много бездельников? Они лишь поглощают воздух, расходуют драгоценные ресурсы, не давая взамен ничего, кроме постоянной угрозы бунта. Это чернь, Герон, опасная и бесполезная.

— Это живые люди!

— Столь же полезные, как канализационные грызуны, которых мы безжалостно травим.

— О'Релли, ты забываешь, кто сделал тебя правителем Регула! — гневно произнес Герон.

Нирон обернулся, уничтожающе посмотрев на хранителя, щеки которого побагровели от вырвавшихся эмоций.

— Закон Кол Адра гласит, что человеческая жизнь священна, и тот, кто посягает на нее, будет проклят! — хрипло произнес Кай.

— Не сотрясай воздух, Герон. Я не отрицаю власти Кол Адра и той спасительной роли, которую сыграли корабли Союза в нашей борьбе с измененными, но я знавал худшие времена и еще не забыл, что реальность Селена признает лишь один закон, в котором сосредоточен опыт выживания сотен поколений. Каждый, кто вдыхает драгоценный воздух, осязает живительное тепло, должен работать на благо остальных. Если я буду потакать черни, которая лишь жрет и плодится, Регул вскоре будет перенаселен и тогда от катастрофы нас уже не спасут ни транспорты вольных торговцев, ни боевые корабли Кол Адра, ни собственные попытки очистить город

от бремени бесполезных обитателей. — О'Релли бросил мимолетный взгляд за окно и добавил: — Наш разговор окончен, хранитель. Воины уже выстроились, и ты не можешь дальше отнимать мое время.

— Я доложу о твоей неразумной жестокости, О'Релли! — гневно ответил Кай Герон. — Ты ведь прекрасно знаешь, что эти люди никогда не покидали город, они погибнут только потому, что не знают, как себя вести на смертоносных просторах Селена!..

— Что ж, хранитель, действуй, — усмехнулся О'Релли. — Только не думай, что испугал меня своими угрозами. Города Союза далеко, а их боевые корабли пришли лишь однажды и более не появлялись вот уже десять лет. Мы приняли власть Кол Адра, и правителям Союза этого вполне достаточно. Вряд ли они захотят

тратить ресурсы и посылать флот, чтобы разобраться с твоей жалобой. Кол Адр далеко, а я близко. — По губам О'Релли скользнула жутковатая усмешка. — Может, мне в свою очередь стоит выяснить, как тебе удалось избежать смерти, когда измененные захватили Аулию? Ускользнуть от них и выжить на просторах Селена, да еще с малолетним ребенком на руках — задача не из легких, верно, Герон? Каким образом ты вдруг очутился на борту корабля Союза? Чем ты завоевал такое доверие, что был назначен хранителем в Регул?

— Они подобрали меня в пустыне, — дрогнувшим голосом ответил Герон, — а уважение я завоевал своими знаниями!

— Откуда они у тебя? Я родился в Аулии и знаю наперечет всех, кто по праву рождения был посвящен в тайны

древних технологий. Тебя не было среди избранных. Ты родился в кварталах черни, Герон, потому и защищаешь это отребье! — Нирон сел за стол и добавил, завершая свой монолог: — Можешь слать жалобы, я найду, что ответить на них. А теперь ступай прочь!